

УДК 882.076
ББК 81.2 Рус, 021

Прокофьева Виктория Юрьевна,
доктор филологических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет,
ул. Советская, д. 19, 460014 г. Оренбург, Российская Федерация
E-mail: vicproc@rambler.ru

Черенкова Юлия Владимировна,
учитель русского языка и литературы,
МОАУ «Гимназия № 1», ул. Краснознаменная, д. 34,
460000 г. Оренбург, Российская Федерация
E-mail: yuliya_yuliya_77@mail.ru

**ПОЭТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЛОКУСА РОССИЯ
ЧЕРЕЗ АБСТРАКТНОЕ ИМЯ
(на материале русской поэзии XX в.)**

Аннотация: Исследование поэтических образов России показало, что, помимо гештальтного воплощения этого социокультурного пространства, в лексической структуре художественного текста встречаются когнитивные проекции поэтического представления страны на абстрактные понятия. Проанализировано текстовое представление пространственного концепта (локуса) Россия через смысловые модели, включающие абстрактное имя: Россия — *безумие, счастье, любовь, совесть, сила, судьба, стихия, вечность*, выявлена парадигма лексических экспликаторов абстрактного порядка, определено его лексическое окружение, найдена связь абстрактного представления локуса с гештальтным. Проведённое на материале русской поэзии XX в. исследование показало, что перечисленные абстрактные имена воплощают поэтический локус в лексической структуре текстов на протяжении всего столетия, особенно активизируясь в «переломные точки» страны, когда необходимо философское осмысление России как ментальной сущности высшего порядка.

Ключевые слова: поэтический дискурс, локус Россия, абстрактное имя, смысловые модели, лексическая структура текста.

Анализируя гештальтную структуру локуса Россия в поэзии XX в.¹, мы обнаружили когнитивные проекции поэтического представления социокультурного

© Прокофьева В. Ю., Черенкова Ю. В., 2014

¹ См.: Черенкова Ю. В. Антропоморфные гештальты локуса «Россия» в поэзии начала XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. Вып. 58, № 25. С. 164–167; Она же. Россия в поэзии Серебряного века: особенности гештальтной организации локуса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 17 (136).

пространства «Россия» не «на конкретные явления, зримые физические формы метафизического, абстрактного» [4, с. 81], а на ещё более абстрактные. Собранный материал из поэтических текстов более 200 русских поэтов XX в. представил собой около 800 текстовых фрагментов, эксплицирующих восприятие и понимание социокультурного локуса Россия в лексической структуре русского поэтического текста. Три четверти текстовых фрагментов представили гештальтное восприятие России (биоморфные гештальты — женские, мифологические, орнитологические и т.п. и небиоморфные — предметные, астральные, локальные и т.п.), в одной четверти поэтическое восприятие России было дано через такие абстрактные понятия, как *безумие, счастье, любовь, совесть, сила, судьба, стихия, вечность*. Проанализируем их, сопровождая поэтические фрагменты указанием авторства, заглавием стихотворения и датой его написания.

1. *Россия — безумие*. Парадигма данного инварианта представлена следующим лексическим рядом: *Россия-безумие/безумство, наваждение, бред, мираж, головокруженье*. Активное представление локуса через этот ряд характерно для русской поэзии начала XX в., что создаёт картину трагического состояния страны:

*Кто ты, Россия? Мираж? Наважденье?
Была ли ты? есть или нет?
Омут... спремнина... головокруженье...
Бездна... безумие... бред...*

(Волошин М. Неопалимая Купина, 1919)

Однако негативная коннотация лексем в тексте ослабляется глаголами *ulyжется, пройдёт, рассеются*, эпитетами *возрождённый, счастливый, радостный*, вселяя надежду на улучшение состояния и возвращения в прежнюю жизнь:

*Безумство уляжется, горе пройдёт,
Рассеются скорби и муки,
И, вновь возрождённый, счастливый народ,
Увидев желанного Солнца восход,
Протянет к Нему свои руки
И вновь над Россией заблеет заря,*

С. 186–191; *Она же. Зооморфные и орнитологические гештальты локуса «Россия» в поэзии XX века: лексический аспект // Современная филология: теория и практика: Материалы VI междунар. научно-практической конф. 30–31 декабря 2011 г.: Москва, 2011. С. 378–381; Она же. Предметные гештальты в структуре поэтического локуса «Россия» (на материале русской поэзии XX века) // Актуальные проблемы филологии: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Пермь, октябрь 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 91–93; Черенкова Ю. В., Прокофьева В. Ю. Астральные гештальты локуса «Россия» в русской поэзии XX века // VI Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры начала ХХI столетия»: Материалы междунар. науч. конф. Челябинск: ЧГАКИ, 2013. Ч. 1. С. 230–233.*

*И снова народ богомольный,
Любовью священной к Отчизне горя,
Падёт на колени при въезде Царя
Под радостный звон колокольный.*

(С. Бехтеев. Утро России, 1918)

2. *Россия — счастье*. Как отмечает С. Г. Воркачев, «отношение к счастью входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека, представления о нем образуют древнейший пласт мировоззрения, а понятие счастья, наряду с понятиями блага, смысла жизни, смерти, желания и любви, покрывает центральную часть аксиологической области личностного сознания» [1, с. 24]. Традиция осмыслиения понятия счастье восходит к эпохе античности, однако попытки дать ему чёткое определение привели к констатации его дефиниционной неопределённости, обтекаемости. Анализ существующих определений понятия счастье свидетельствуют о том, что фелицитарные представления носят индивидуальный характер, ощущение счастья всегда очень субъективно. Кроме того, представления о счастье окрашены культурной спецификой и зависят по меньшей мере от типа цивилизации [3, с. 5].

Смысловую модель *Россия — счастье* находим в стихотворении В. Набокова «Родина». Россия, чьё имя сам поэт называл «сладостным», предстаёт здесь вечной категорией, некоей константой бытия:

*Бессмертное счастье наше
Россией зовётся в веках.*

(В. Набоков. Родина, 1927),

что подчёркивается лексическим окружением *бессмертное, в веках*. Репрезентируемые далее с помощью сравнений гештальты *Россия-ветер, море, тайна* наделяют локус свойствами первостиший:

*Наш дом на чужбине случайной,
где мирен изгнанника сон,
как ветром, как морем, как тайной,
Россией всегда окружён.*

Осмысливаемый в таком контексте локус *Россия* тоже предстаёт такой первостихией, пронизывающей жизнь мира и человека.

3. *Россия — любовь*. Анализируя концепт любви в русском языковом сознании, С. Г. Воркачев отмечает, что он «отражает представления о базовых <...> ценностях и “экзистенциальных благах”, в которых выражены основные убеждения, принципы и жизненные цели, и стоит в одном ряду с концептами счастья, веры, надежды, свободы. Он напрямую связан с формированием у человека смысла жизни как цели, достижение которой выходит за пределы его непосредственно инди-

видуального бытия». Концепт любви, в отличие от его ближайшего «телеономного соседа» — счастья-блаженства, невозможно описать в терминах сущностных признаков, отправляющих к конкретным причинам возникновения этого чувства. И если семантика счастья задаётся совокупностью существующих в определённом хронотопе взглядов на «источники» возникновения этого душевного состояния (наслаждение, покой, добродетель, самореализация, осуществление призыва и пр.), то отсутствие рациональных («корыстных») оснований для возникновения любви входит в определение этого чувства» [2, с. 189], что демонстрирует поэтический фрагмент начала века:

*Любовь! Россия! Солнце! Пушкин! —
Могущественные слова!..
И не от них ли на опушке
Нам распускается листва?*

(И. Северянин, 1924).

Единицы лексического ряда *любовь*, *Россия*, *солнце*, *Пушкин*, принадлежа к разным семантическим сферам, выступают в роли целостного дефидента и обретают аксиологическую равнозначность, образуя ядро системы ценностей поэтического мира.

Текстовое воплощение через абстрактное имя *любовь* локус *Россия* в полной мере получает в поэзии военных лет, становясь лейтмотивом в стихотворении Н. Рыленкова «Левитан». Обращаясь к русскому художнику и вспоминая основные темы его живописных полотен, поэт создаёт не менее грандиозную картину, воспевающую красоту русского пейзажа. «Природная» парадигма, используемая в тексте, включает в себя лексемы, относящиеся к разным тематическим группам: *тропка, пригорок, поле, жнивье, пруд, ручей; летний, осенний; берёзы; грачи; мельница-раструска, дворик, стог*. Цветовые эпитеты (*туманный, прозрачный, золотой*) и существительные, имеющие «цветовую» сему (в *золоте осеннем, синева, отсвет зорь*), помогают увидеть мир красок, а «звуковые» лексемы заставляют его звучать: *шумят, тишина, звон листвы*. Однако создание пейзажной зарисовки не самоцель, включение ещё одного абстрактного имени (*бессмертие*) в парадигму лексических экспликаторов локуса способствует переходу от «чувственного» восприятия природы к постижению смысла жизни, глубинных основ бытия:

*...Перед тобой, Россия,
Твоя любовь, бессмертие твоё.*

Соотношение *Россия – любовь* зафиксировано и в поэзии конца 1990-х гг.:

*Здравствуй, Родина, Россия!
Пусть сегодня тучи злые
Нам грозят лихой бедой —
Я, твой верный сын, Россия,
Заслоню тебя собой.*

*Ты — любовь моя и сила.
Без тебя — что в жизни я?
Здравствуй, Родина, Россия!
Ненаглядная моя!..*
(С. Каргашин, 1999)

Параллельно возникающие с помощью лексической самоидентификации (*Я, твой верный сын, Россия*) антропоморфный гештальт *Россия-мать* и дефиниция локуса через абстрактное имя (*Россия — сила*) акцентируют аксиологическую семантику поэтического локуса.

Один из лексических показателей поэтического воплощения России через понятие любви — в его пространственной локализации *в сердце* или *в груди*:

*Ты — в сердце, Россия. Ты — цепь и подножие,
ты — в ропоте крови, в смятенье мечты.*

(В. Набоков. Россия, 1919)

Поэтическая традиция использования данных лексических локализаторов исключает иное толкование локуса:

*Я носил тебя в сердце, Россия,
На войне среди мёртвых полей,
И железные ливни косые
Мне красы не закрыли твоей.*

(Л. Хаустов, 1943)

Отсылку к «сердечной» области переживания России встречаем не только в «переломные точки» жизни страны (революция, военные годы), но и в спокойное время:

*Любовь моя, Россия,
Ты с каждым днём сильней.
Тебя в груди носили
Солдаты на войне.*

(Ю. Визбор. Россия, 1960)

Поэтический дискурс 1990-х гг., ещё одной «переломной точки» России, расширяет пространственные координаты эмоционального осмыслиения локуса и эксплицирует смысловую модель *Россия — чувство*:

*Закаты и рассветы,
Цепь радостей и мук....
Моя Россия, где ты?
Ты в сердце и вокруг.
Когда в душе прохладец
Поедет и тоской,
Хочу к тебе прижаться
Взволнованной щекой.
Упасть бы в гуще сада,
Ромашки теребя.
Мне много и не надо —
Лишь чувствовать тебя!*

(В. Самсонов. Моя Россия, 1994)

4. *Россия — совесть*. Эта смысловая модель начинает появляться в русской поэзии во второй половине XX в. и усиливается к его концу:

*Я весь пред тобою, Россия,
Судьба моя, совесть моя.*

(Н. Рыленков, 1958)

*Вера моя, совесть моя,
Песня моя — Россия.*

(Н. Добронравов. Русский вальс, 1992)

Оба фрагмента демонстрируют один и тот же способ текстовой репрезентации локуса: предельно сжатые дефиниции, в которых различно лишь место дефидента-номинации поэтического локуса. Примечательно также, что понятие *совесть* неизменно сопрягается с понятиями *судьба, вера* и притяжательным местоимением *моя*, что свидетельствует о безусловной личностной значимости данных категорий для русской поэтической картины мира.

В следующем фрагменте, в котором поэт размышляет о значении поэзии, аксиологически равнозначными становятся понятия *писатель, совесть, Россия*:

*Пройти — пройду, маршрут не нов,
Дорогу под гору — осилю.
Да не сказать ответных слов:
«Писатель...совесть...и Россия...».*

(О. Цакунов. Книга мастера, 1979)

5. *Россия — сила* — смысловая модель, наиболее востребованная поэтическим дискурсом 1941–1945 гг., когда в представлении страны активизируются «женские» гештальты локуса *Россия* (*мать-богатырь, мать-освободительница*). Семантическое поле номинаций данных гештальтов, несомненно, включает в себя лексему *сила* как следствие традиционно атрибутируемой русской женщине нравственной и физической силы. Не случайно в стихотворении О. Берггольц «женский» гештальт дополнен абстрактным именем *сила*:

*Дарья Власьевна, твою силой
будет вся земля обновлена.
Этой силе имя есть — Россия
Стой же и мужайся, как она!*

(О. Берггольц. Разговор с соседкой, 1941)

В следующем фрагменте *Россия-сила* слиивается с материинским гештальтом локуса: лексемы *сарафан, красавая* отсылают к женскому началу, а сочетания *человеком сделала, дала тепла* — к материинскому:

*Изумрудно-зелёная, синяя,
в лентах рек, в сарафане лугов,
красивая
Россия моя —
воля, сила моя
и любовь.*
Ты меня человеком сделала.
Ты мне столько дала тепла!
В этой буре, как лист от дерева,
оторвали меня от тебя.

(Ю. Грунин. Заклинание, 1943)

6. *Россия — судьба*. В последние десятилетия появились лингвистические работы, посвящённые исследованию ментального понятия *судьба* [см., например: 5], который обладает несомненной аксиологической значимостью в концептуальной картине индивидуума и народа.

Поэтическое представление России через абстрактное имя *судьба* даётся, как правило, в окружении лексем «пространственной» тематической группы и сочетается с притяжательным местоимением *моя*:

*Куда не посмотришь — родные
Открытые сердцу края.
Я весь пред тобою, **Россия,**
Судьба моя, совесть моя.*

(Н. Рыленков, 1958)

Или:

*Лучист рассвет,
И ветер свеж,
И даль ясна,
И Волга синя —*

*И это
Вечный мой Рубеж,
Моя судьба,
Моя Россия.*

(В. Кулагин. Рубеж, 1975)

Поэтическое осмысление локуса путём синтеза пространственных категорий и абстрактного имени *судьба* ещё раз свидетельствует об аксиологически значимой сущности обоих понятий для русского самосознания.

7. *Россия — стихия*. «Стихийность» поэтической России начала ХХ в. лексически эксплицируется в тексте через тему ветра, кружения, круговороти, бури. Подобное восприятие страны вполне можно объяснить революционным хаосом начала века, однако данная тенденция сохраняется в русской поэзии на протяжении всего столетия. Так, поэзия М. Волошина буквально пронизана «стихийными» мотивами: *По Руси что ветер засвистал...* (Dmetrius-imperator, 1917); *С Руси тянуло выступженным ветром* (Россия, 1924), приобретающими подчас мистическое звучание:

*Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперёк.
Рвёт и крутит снежные завесы
Выстуженный северовосток.*

(М. Волошин. Северовосток, 1920)

Написанная в духе пушкинских «Бесов» картина разбушевавшейся стихии, во власти которой пребывает страна «вдоль и поперёк», вызывает ужас и одновременно какое-то первобытное упоение, экстаз:

*Войте, вейте, снежные стихии,
Заметая древние гроба:
В этом ветре вся судьба России —
Страшная безумная судьба.*

Образ ветра, разбушевавшейся стихии у Волошина — это попытка одновременно раскрыть сущность русского национального характера, разгадать историческую судьбу России, передать масштабы современной ему катастрофы.

Поэтический дискурс 1960-х гг. представляет Россию во власти иной, «огневой», стихии:

*O, Русь моя!..
Огонь и дым,
Законы вкриць и вкось.
O, сколько именем твоим
Страдальческим клялось!*

(В. Фёдоров, 1961)

Возвращение к образу ветра наблюдается в 1970-е гг.:

*Россия, ты моя!
И дождь сродни потопу,
и ветер, в октябре сжигающий листы...*

(Ю. Кублановский, 1978),

однако в данном случае поэтический фрагмент демонстрирует отказ от первобытно-мифологического восприятия стихии и апеллирует к ветхозаветной легенде о потопе.

8. *Россия — вечность*. Это абстрактное имя, связанное с категорией времени, представляет локус, начиная с военной поэзии:

*В ней годы торжеств и столетья усилий,
И только тевтонам тупым не понять,
Что вечна Россия, бессмертна Россия, —
Её невозможно у мира отнять!*

(А. Прокофьев. Бессмертен наш народ, 1942)

Слова *вечна, бессмертна*, намеренно повторяющиеся в качестве предикатов однотипных синтаксических конструкций, способствуют восприятию высказываемой мысли в качестве некоей аксиомы, не подлежащей сомнению и не требующей доказательств. Идея вечной России особенно актуальна была в начале Великой Отечественной войны и звучала как заклинание:

*Берёзка, солнышко, Россия
Живут и вечно будут жить.*

(Я. Шведов. Берёзка, 1943).

В дальнейшем встречаем текстовое воплощение этой смысловой модели опосредованным способом: при отсутствии собственно лексем с семой «вечность» их функции выполняют «отрицательные» слова:

*И ничего не может статься
С весной и Русью никогда.*

(С. Орлов. В автобусе, 1962)

Поэтический дискурс 1970-х гг. репрезентирует идею вечной России, обращаясь к картинам и образам, связанным с земледельческим календарём, к астральным образам:

*И тихо, так тихо, что слышно дыханье
Уснувших под снегом озимых ростков.
Лиши скрипнет колодец — и снова молчанье.
Россия — и звёзды.
И вечности зов...*

(Э. Дубровина. Лира, 1975)

Восприятию локуса как некоей вечной категории способствуют и лексемы, передающие акустические признаки окружающей действительности и фиксирующие аудиальную дихотомию пространства. При этом звучащий мир, фиксируемый с помощью метафорической конструкции и глагола *скрипнет*, воспринимается как конечный, бренный, преходящий, а мир тишины, безмолвия — как вечный. *Россия* в таком контексте — часть этого мира.

Поэзия 1990-х гг. демонстрирует слияние смысловой модели *Россия — вечность* и гештальта *Россия-слово* при явном доминировании первого:

*Для одних Россия в именительном,
Для других Россия только в дательном,
Для одних Россия — существительным,
Для других Россия — прилагательным.*

*Разные склонения-спряжения
Всё-таки не суть, а оболочка.
И замечу не без уважения:
Есть Россия. Вот и всё. И точка!*

(Б. Орлов, 1990),

причём глагол *есть* указывает на наличие объекта речи в настоящем и одновременно фиксирует его вневременное, «вечное» существование.

Таким образом, поэтическое представление локуса Россия идёт не только в сторону его гештальтного представления, но и в обратную, предлагая читателю смысловые модели высокой степени абстракции, позволяющие осмысливать образ страны как ментальную сущность высшего порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Технический ун-т КубГТУ, 2002. 142 с.
- 2 Воркачев С. Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. Волгоград: Перемена, 2003. С. 189–208.
- 3 Карасик В. И., Шаховский В. И. Об оценочных пресуппозициях // Языковая личность: вербальное поведение. Волгоград: Изд-во «РИО», 1998. С. 3–13.
- 4 Чернейко Л. О. Гештальтная структура абстрактного имени // Филологические науки. 1995. № 4. С. 73–83.
- 5 Чернейко Л. О., Долинский В. А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1996. № 6. С. 20–41.

* * *

Prokofyeva Victoriya Yurievna,

*Doctor of Philology, Professor,
Orenburg State Pedagogical University,
Sovetskaya st., 19, 460014 Orenburg, Russian Federation
E-mail: vicproc@rambler.ru*

Cherenkova Yuliya Vladimirovna,

*teacher of Russian language and literature,
Upper Secondary School № 1,
Krasnoznamennaya st., 34, 460000 Orenburg, Russian Federation
E-mail: yuliya_yuliya_77@mail.r*

POETIC REPRESENTATION OF LOKUS RUSSIA THROUGH THE ABSTRACT NAME (based on the XX century Russian poetry)

Abstract: The research of Russian poetic images showed that the cognitive projection of poetic representation of the country into abstract concepts are found in the lexical structure of the artistic text, in addition to the gestalt embodiment of this socio-cultural space. Textual representation of spatial concept (locus) Russia was analyzed through semantic models including abstract name: Russia — *madness, happiness, love, conscience, power, fate, element, eternity*. The paradigm of lexical indicators of abstract order was revealed, its lexical environment was defined, the connection of the abstract

representation with locus gestalt was found. The research was conducted on the material of Russian poetry of XX century, and it has shown that these abstract names are the embodiment of the poetic locus in the lexical structure of texts throughout the century, especially activating in the “turning points” of the country history, when the philosophical understanding of Russia as a higher-order mental entity is very necessary.

Keywords: the poetic discourse, locus Russia, an abstract name, a semantic model, the lexical structure of the text.

REFERENCES

- 1 Vorkachev S. G. *Kontsept schast'ia v russkom iazykovom soznanii: opyt lingvokulturologicheskogo analiza* [The concept of happiness in Russian language consciousness: linguistic and cultural analysis]. Krasnodar, Tekhnicheskii un-t KubGTU Publ., 2002. 142 p.
- 2 Vorkachev S. G. Kontsept liubvi v russkom iazykovom soznanii [The concept of love in Russian linguistic consciousness]. *Kommunikativnye issledovaniia 2003: Sovremennaia antologiia* [Communication studies in 2003: Contemporary anthology]. Volgograd, Pere-mena Publ., 2003, pp. 189–208.
- 3 Karasik V. I., Shakhovskii V. I. Ob otsenochnykh presuppositsiakh [The evaluative presuppositions]. *Iazykovaia lichnost': verbal'noe povedenie* [Linguistic personality: verbal behavior]. Volgograd, Izd-vo «RIO» Publ., 1998, pp. 3–13.
- 4 Cherneiko L. O. Geshtal'tnaia struktura abstraktnogo imeni [The gestalt structure of an abstract name]. *Filologicheskie nauki* [Philology], 1995, no. 4, pp. 73–83.
- 5 Cherneiko L. O., Dolinskii V. A. Imia SUD'BA kak ob'ekt kontseptual'nogo i assotsiativnogo analiza [DESTINY name as an object of conceptual and associative analysis]. *Vestnik MGU. Seriia 9. Filologiya* [MGU Bulletin. Series 9. Philology], 1996, no. 6, pp. 20–41.